

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

МЫ БУДЕМ СУРОВО
И ПРАВЕДНО ЖИТЬ...

* * *

Вот и открылись родные дали —
Поле да лес, да медовые тучи.
Если грустите или устали,
Где еще в мире бывает лучше?

Песню затянешь, а всюду тихо.
Душу откроешь — а кто здесь обманет?
Если свое шелестит гречиха,
Если и ныне в поту крестьяне.

А на закате, в потоках света,
Женщины ходят, как будто святые,
В нимбах волос золотого цвета,
С детской верой в слова простые.

* * *

И в каждой птице —
 соловей,
В любой траве —
 цветок.
Я все для милой мог моей,

ВАСИЛЬЕВ Ярослав Иванович закончил Геологический институт, работал в Республике Коми, печатается в центральных изданиях с начала 70-х годов. Автор нескольких поэтических сборников, член Союза писателей России.

Лишь разлюбить
не мог.
И на ее сухое: “Нет.
Прощай. Мне все равно” —
Я белый подарил букет
И заказал вино.

И пил за каждый лепесток,
За каждый светлый миг,
И пил за то,
что мир
жесток,
Но все-таки
велик.

* * *

Когда растает лед надежды
На темных водах бытия,
Забудь суровые одежды,
Засни на сердце у меня!

Лоза к лозе — сплетутся руки,
Повалит ночью снег кругом,
И стихнут уличные звуки...
Но разве скажешь обо всем?

И утром, ветреным и снежным,
Очнувшись, как над пустотой,
Я буду ласковым и нежным,
А ты — холодной и чужой.

И разойдутся две тропинки,
И расплетутся две лозы.
И все равно, твои снежинки
Растопят две мои слезы.

* * *

Мы будем сурово и праведно жить,
Как где-то живут на далеких разъездах,
И грустных людей не обманем в надеждах,
Когда к нам случайно зайдут погостить.

А в праздники сядем с друзьями за стол.
Пусть будет картошка не худшей закуской!
И комнатка нам не покажется узкой,
Как будто простор на нее снизошел,

Как будто все ветры огромной страны
Вместились в движение легкой руки
Такого привычного, тихого друга...
И розовый сад, и сибирская вьюга,
И все это — будни одной стороны.

Так будем сидеть допоздна за столом,
И будем ходить со страной на работу,
И жизнь утверждать в ежедневных заботах,
И веком двадцатым судьбу назовем!

* * *

Устав от бедного житья,
Сплетенья счастья и распада,
Какая русская семья
В разлуке не искала лада?!

И этот золоченый круг
Провинциальной, топкой ночи
Разорван был изломом рук,
Освистан поездом рабочим.

Где уезжали, не таясь,
Отцы — скитальцы и кормильцы.
И кровная тянулась связь
От океанов до столицы.

Что было с ними — не судить.
И разве время виновато,
Что можно Родину любить
И не узнать родного брата.

ВЕСНА НА РУДНИКЕ

Огрузший снег. Помои у барака.
Повсюду угольная пыль.
Все это выплыло из мрака,
И звонко лаяла собака,
И на сарае прел горбыль.

И, очерстевшие от стужи,
В одежде горного труда,
Шутили люди неуклюже,
И руки стискивали туже,
И шли под землю,
как всегда.

И только там, во тьме кромешной,
С немой рудой наедине,
Вгрызаясь в недра безутешно,
Они смеялись так безгрешно,
Что камень цвел на глубине.

У ДОРОГИ

И дрожат у железных путей
Огородики, домики, будка...
Средь широких, осенних полей
В этот час одиноко и жутко.

Жутко слышать, как ветер глухой
Зреет там, где шумела пшеница.
И на крыше листок жестяной
Рвется вдаль, как последняя птица.

* * *

Дымный запах полыни и шелк лепестков,
Вы в какой сохранились глуши?
Если скоро зима и непрочен покров
На сибирских просторах души.

Только ты за снегами не видишь беды,
Ставишь в хрупкую вазу цветы.
И прозрачна улыбка твоя у воды,
И беспомощно руки чисты.

* * *

Запотели стекла в храме,
Здесь тепло и многолюдно.
Можно высказать словами
То, о чем и плакать трудно.

Даже радость притихает,
Поклонившись этим стенам,
Потому, что не бывает
В жизни все обыкновенным.

На Покров кусты калины
Прикоснулись к стенам храмным.
Все мы, Господи, повинны,
Вот и терпим в самом главном.

Потому и слезы свечек
Припадают к слезам счастья, —
Чтобы жить по-человечьи,
Нужно Богово участие.